

Министерство культуры Российской Федерации
Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль»

История и культура Ростовской земли

2020

Ростов
2021

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр
И 90

Сборник материалов научной конференции
«История и культура Ростовской земли», выходит с 1991 года

Под общей редакцией А. Г. Мельника, С. В. Сазонова

Редактор Л. Ю. Мельник

История и культура Ростовской земли. 2020. — Ростов :
И 90 Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль», 2021. —
384 с., ил.
ISBN 978-5-6046011-3-6

В сборнике опубликованы материалы юбилейной XXX на-
учной конференции «История и культура Ростовской земли»,
проведенной в Государственном музее-заповеднике «Ростовский
кремль» 11–13 ноября 2020 г.

УДК 94(470.316-21)(082)
ББК 63.3Яр

ISBN 978-5-6046011-3-6

© Государственный музей-заповедник
«Ростовский кремль», 2021

Канцелярия угличского князя Андрея Васильевича Большого¹

А. Л. Грязнов, Л. В. Мошкова

Андрей Васильевич, третий сын великого князя Василия Васильевича Темного, родился в Угличе 13 августа 1446 г.² В 1462 г., после смерти отца, получил в удел Углич, Бежецкий Верх и Звенигород³. В 1481 г. его старший брат, великий князь Иван Васильевич, отдал ему Можайск — часть удела умершего брата Юрия⁴. 20 сентября 1491 г. Иван III сложил с себя крестное целование князю Андрею Васильевичу, обвинив в измене, и заключил на Казенном дворе на Москве⁵, где спустя два года Андрей Большой и скончался⁶.

Для более корректного восприятия дальнейших рассуждений о канцелярии угличского князя необходимо условиться о применяемых в данном исследовании дефинициях.

Как правило, в своих жалованных грамотах представители московской династии использовали формулу «моя вотчина великое княжение». Под уделом того или иного князя понимается территория великого княжения, подвластная этому князю на основе завешания его отца и договорных грамот с его братьями («удел князя Андрея Васильевича»). Синонимом выступает географическая привязка удела (как правило, по крупнейшему городу во владении удельного князя) — «Угличский удел», «Вологодский удел».

Служилые люди (как бояре и дети боярские, так и представители бюрократии и слуги под дворским) служили лично князю (в нашем случае — Андрею Васильевичу). Соответственно, когда говорится о службе в уделе или удельной канцелярии, то имеются в виду служебные отношения, возникающие лично между князем и его подданным. Таким образом, служба

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20–09–00360.

² ПСРЛ. Т. 12. С. 71; Там же. Т. 25. С. 267.

³ ДДГ. № 61. С. 195; ПСРЛ. Т. 12. С. 115; Там же. Т. 25. С. 278.

⁴ ДДГ. № 72. С. 258, 261, 264, 266; ПСРЛ. Т. 12. С. 212; Там же. Т. 25 С. 328.

⁵ ПСРЛ. Т. 12. С. 231; Там же. Т. 25. С. 333.

⁶ ПСРЛ. Т. 12. С. 237. Подробнее биографию кн. Андрея Васильевича см.: *Зимин А. А.* Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. // История и генеалогия. С. Б. Веселовский и проблемы историко-генеалогических исследований. М., 1977. С. 163–165.

в Угличе, Угличском уделе, уделе Андрея Васильевича синонимична службе Андрею Васильевичу Большому.

Канцелярия — это постоянно действующий орган, состоящий из людей, занимающихся оформлением, хранением и упорядочиванием документации, как изданной тем или иным князем, так и поступившей ему⁷. Под сотрудниками княжеской канцелярии подразумеваются дьяки и подьячие. Соответственно, под «Угличской канцелярией» понимается совокупность дьяков и подьячих, служивших кн. Андрею Васильевичу Угличскому. В свою очередь, термин «угличский дьяк» применяется к дьякам, служившим Андрею Большому, и синонимичен «дьяку Андрея Большого» и «дьяку Андрея Угличского». В реалиях XV в. можно условно говорить о канцелярии, которая входила в состав княжеской казны и не являлась обособленным учреждением.

Персональный состав двора кн. Андрея Большого рассмотрен в статье А. А. Зимина об удельных князьях и их дворах второй половины XV в. К сожалению, ни один из сотрудников угличской удельной канцелярии в этой связи упомянут не был⁸. Больше внимание дьякам кн. Андрея уделено в специальной литературе: сведения о дьяках Александре Карамышеве и Пестрике приведены в справочнике С. Б. Веселовского⁹; на основе опубликованных текстов актов были систематизированы сведения о дьяках XV–XVI вв. А. А. Зиминим. Сравнительно полными можно назвать составленные им служебные биографии Василия Башины, Алексея Васильевича, Семена Васильевича, Александра Карамышева, Микифора¹⁰. Монография Ю. Г. Алексеева в большей степени посвящена развитию аппарата управления и сотрудникам великокняжеской канцелярии. Тем не менее им была кратко охарактеризована и канцелярия кн. Андрея Большого, которому, по подсчетам исследователя, служило не менее шести дьяков¹¹. Исследование А. Ю. Савосичева посвящено непосредственно дьякам и подьячим XV — первой трети XVI в. В нем систематизированы сведения о сотрудниках княжеских канцелярий, в том

⁷ Мошкова Л. В. Проблемы изучения княжеских канцелярий второй половины XV — начала XVI в. // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании: Материалы XXXIII Международной научной конференции. Москва, 2020 г. М., 2020. С. 289–290.

⁸ Зимин А. А. Удельные князья и их дворы во второй половине XV и первой половине XVI в. С. 165–166.

⁹ Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV–XVI вв. М., 1975. С. 225, 407.

¹⁰ Зимин А. А. Дьяческий аппарат в России второй половины XV — первой трети XVI в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 87. С. 225, 228, 229, 239, 259. К небольшим недочетам работы А. А. Зимина можно отнести то, что князь, которому служил Василий Башина, назван Вологодским, а не Угличским. В свою очередь, Угличским назван князь, которому служил вологодский дьяк Никифор. Кроме того, сведения за 1500 и 1502 г., отнесенные к деятельности Василия Башины, на самом деле относились к дьяку Семену Дмитриевичу Башенину.

¹¹ Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства: очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998. С. 179.

числе и угличской. А. Ю. Савосичев предположил, что угличский дьяк Никифор тождественен упоминаемым в синхронных источниках дьякам Мите Демидову и Никифору, служившему у в. кнг. Марии Ярославны, а также высказал предположение о родстве дьяка Александра Карамышева с другими представителями рода Карамышевых¹².

В целом, на основе текстов опубликованных источников исследователями установлены имена шести дьяков кн. Андрея Васильевича Угличского, собраны сведения об их биографии в период службы в уделе, а для некоторых и в последующее время.

Прямые сведения непосредственно о княжеских канцеляриях этого времени крайне фрагментарны, тем не менее исследование деятельности этих учреждений, их эволюции может идти по двум направлениям — анализ их непосредственного продукта — документов, происходящих из этих канцелярий (издававшихся от имени князя или по его поручению), и выяснение биографий сотрудников канцелярий, сферы их компетенции, социальных связей, статуса.

1. Состояние источниковой базы

За период существования удела князя Андрея Большого, т.е. с 1462 по 1491 г., текстуально сохранилось 38 грамот (жалованных, данных, меновых, указных, кормленных и др.), составленных в канцелярии этого князя. 20 из них — акты, дошедшие до нас только в списках, 18 сохранились в подлинниках. Еще на двух великокняжеских грамотах поставлены подтверждения от имени князя Андрея Васильевича, а на одном частном акте записано решение по земельному спору, вынесенное князем Андреем.

Большая часть подлинных грамот в настоящее время хранится в фонде ГКЭ. По две грамоты находится в собраниях А. С. Уварова и П. М. Строева, по одному документу — в фондах Н. Г. Головина, В. М. Ундольского и П. А. Муханова. Отдельную подборку составляют экземпляры договоров в. кн. Ивана III с кн. Андреем Большим, хранящиеся в фонде Древлехранилище (РГАДА). Предположительно, экземпляры этих договоров, написанные от лица кн. Андрея Васильевича, составлялись в его канцелярии и, соответственно, тоже могут быть включены в число анализируемых документов. Всего таких договоров было четыре¹³.

В настоящее время в распоряжении авторов имеются копии 17 подлинных грамот, как вышедших из канцелярии кн. Андрея Васильевича, так и прошедших через нее. Большинство из составленных в угличской канцелярии актов (11) хранится в ф. 281 РГАДА (ГКЭ)¹⁴. Три грамоты хра-

¹² Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв.: происхождение и социальные связи. Опыт просопографического исследования. Орел, 2013. С. 227, 229—235.

¹³ ДДГ. № 66. С. 214—216; № 70. С. 232—249; № 72. С. 252—268; № 82. С. 322—328.

¹⁴ РГАДА. Ф. 281 (ГКЭ). № 748, 1115, 1118, 1121, 1122, 4676, 4677, 7605, 12834, 12835, 15157.

нятся в фондах Архива Санкт-Петербургского Института истории¹⁵ и одна грамота — в ОР РГБ¹⁶. К ним надо добавить два документа, прошедшие через канцелярию угличского князя: жалованную грамоту вел. кн. Ивана Васильевича 1462 г. с подтверждением угличского кн. Андрея Васильевича 1467–1474 гг.¹⁷ и жалованную грамоту вел. кн. Василия Васильевича 1454 г. с приговорной записью суда угличского кн. Андрея Васильевича, которая предположительно датируется 1462 г.¹⁸

По хронологии эти документы распределяются так: около 1462 г.— ГКЭ. № 4677 (возможно изменение датировки; об этом см. ниже); 1462–1466 гг.— ГКЭ. № 12834; 1462–1469 гг.— Строев. № 566; 1467–1474 гг.— ГКЭ. № 1118, 1121, 1122, 12835, 15157; 1470 г.— ГКЭ. № 4676; 1478–1482 гг.— ГКЭ. № 748; 1482/1483 г.— ГКЭ. № 111 5; 1484 г.— ГКЭ. № 7605; 1484–1488 г.— Головин. № 33; 1487 г.— Ундольский. № 5; 1491 г.— Строев. № 121.

2. Внешний вид актов

Большинство грамот написано на разрезанном поперек листе бумаги (этот формат можно с некоторой долей условности назвать «столбцовым»), т. е. ширина документа составляет примерно 14–15 см. К исследуемому периоду (в отличие от более раннего времени) данный способ подготовки бумажного листа стал привычным.

Как правило, резко отличаются по формату Правые грамоты, которые написаны преимущественно на развернутом листе бумаги (см., например, правую грамоту, с доклада кн. Андрею Васильевичу данную судьей Дмитрием Давидовичем игумену Савво-Сторожевского монастыря Евфросину¹⁹). Исключением является правая грамота 1462–1469 гг.²⁰, которая написана на разрезанном листе (ее формат 42 x 14,6 см). Филигрань в издании описана так: «... часть плохо видного сложного и неясного рисунка в виде продолговатого овального медальона (среди снимков Лихачева и Тромонина не найдено подобных)»²¹. Необходимо отметить, что знаков «сложного рисунка» среди филиграней XV в. немного, и на память сразу приходит «виноградная лоза» (об этом знаке см. ниже), которая в альбоме Н. П. Лихачева присутствует (правда, надо отметить, что отождествление водяных знаков в т. 3 АСЭИ сделано менее квалифицированно, чем в т. 1, поэтому определявший филигрань человек мог ошибиться). Обращение к подлиннику показало, что на обрезе действительно видна верхняя часть

¹⁵ НИА СПб ИИ. Колл. 12 (Строев). Оп. 1. № 121, 556; Колл. 41 (Головин). Оп. 1. № 33.

¹⁶ ОР РГБ. Ф. 310 (Ундольского). № 5.

¹⁷ АСЭИ. Т. 1. № 304. С. 214–216 [ГКЭ. № 1111].

¹⁸ АСЭИ. Т. 3. № 54а. С. 82–83 [ГКЭ. № 4675].

¹⁹ АСЭИ. Т. 3. № 55. С. 84–87 [ГКЭ. № 4677].

²⁰ АСЭИ. Т. 3. № 56. С. 87–89 [Строев. № 556].

²¹ АСЭИ. Т. 3. № 56. С. 88.

«виноградной лозы»²², которую по альбому можно датировать 1460-ми гг.²³ Текст написан небрежным почерком, поэтому можно предположить, что для написания акта был привлечен человек, плохо владевший навыком оформления документов. Но нестандартный формат грамоты можно объяснить объемом текста, которого на развернутый лист явно бы не хватило.

Высота документа зависит только от объема текста: две дефектные грамоты, у которых утрачено окончание текста и печати, по высоте меньше 6 см. Наиболее часто встречающаяся высота актов — 14–15 см. Вероятно, документ сначала писали на подготовленном листе, а потом отрезали лишнюю часть бумаги, оставшуюся чистой (в некоторых случаях, естественно, были использованы подобные остатки чистых листов). Следов разлиновки на грамотах не видно.

Филиграни видны только на части просмотренных *de visu* актов (ГКЭ. № 748, 1115, 1121, 4676, 4677, 15157). Датировка пяти грамот по водяным знакам не противоречит их содержанию (как правило, имени игумена), один знак в справочниках не найден (на № 4676 видна часть не отождествленной на настоящий момент филиграни). Однако надо отметить, что на основе анализа водяных знаков документ можно надежно датировать в пределах двух десятилетий (иногда, при совпадении «благоприятных факторов», — в диапазоне десятилетия), в то время как датировка по содержанию (обычно это имя игумена) более точна.

Интересный казус предлагают две грамоты (ГКЭ. № 4677 и 15157). Первая — правая грамота с доклада кн. Андрею Васильевичу — на основании имени игумена Савво-Сторожевского монастыря Евфросина датируется ок. 1461–1462 г.²⁴, поскольку в справочнике П. М. Строева под 1462 г. фигурирует иной настоятель — Варлаам. Вторая выдана этим же князем иг. Троице-Сергиева монастыря Спиридону в 1467–1474 гг.²⁵ На бумаге этих актов видна сходная филигрань — «виноградная лоза», которую по справочнику Е. Шварц, составленному на основе только русских рукописей, можно датировать 1460-ми гг. На правой грамоте знак виден целиком, а на жалованной сохранилась только его половина. Совмещение цифровых изображений этих знаков показывает, что они очень близки, но не идентичны. Есть небольшие отличия по толщине линий и немного сдвинут контур некоторых частей рисунка. Во время анализа актов XV — первой четверти XVI в. из собрания ГКЭ было замечено, что сходные знаки можно найти, как правило, в документах, близких по времени составления и происходящих из одной канцелярии. Более того, филигрань «виноград-

²² Авторы искренне благодарны Н. В. Башнину за помощь в отождествлении данного знака.

²³ См.: Новгородские рукописи XV века. Кодикологическое исследование рукописей собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / сост. Е. М. Шварц. М.; Л., 1989. № 312.

²⁴ АСЭИ. Т. 3. № 55. С. 84–87.

²⁵ АСЭИ. Т. 1. № 366. С. 268.

ная лоза» встретила среди сотен грамот указанного времени только три раза на актах, происходящих из Угличской канцелярии, и два из них — на сравниваемых документах. Следовательно, весьма вероятно, что Правая грамота, упоминающая иг. Евфросина, выдана не в 1462 г., а несколькими годами позднее (эта датировка больше оправдана филигранологическими и палеографическими данными; о почерке этих актов см. ниже). Следует учитывать, что справочник П. М. Строева, на основе которого и датирована грамота, неполон, и между 1462 и 1470 г. мог настоятельно вторично тот же Евфросин или его тезка²⁶.

Все рассмотренные подлинники имеют хорошо видные поля, в отличие от документов более раннего времени, текст на которых мог располагаться почти вплотную к краю листа (в чем можно увидеть наследие предыдущего «пергаменного» периода экономии писчего материала). Левое поле всегда более четко выражено, поскольку каждая строка начинается одинаковым отступом, а окончание строк вариативно, но всегда есть принятый минимум и для ширины правого поля.

Дата присутствует в эсхатоколе только четырех подлинных документов²⁷, двух списков²⁸ и одного утраченного к настоящему времени подлинника²⁹. Место выдачи не указано ни в одном акте.

3. Подьячие угличской канцелярии: отождествление почерков

Палеографический анализ актового материала сопряжен с некоторыми трудностями, продиктованными особенностью сферы делопроизводства. Во-первых, это вариативность почерка (в том числе начерков одной и той же буквы) в каждый конкретный момент и склонность к изменениям с течением времени, а также большая зависимость писавшего от условий его работы. В отличие от книжных почерков, для которых стабильное письмо было одним из основных критериев его оценки, на делопроизводственные почерки (т.е. графику) могут влиять формат листа бумаги, тип акта, скорость, с которой требовалось подготовить документ, и другие сопутствующие обстоятельства. Немаловажным фактором было то, что в отличие от переписчиков книг, трудившихся за столом, составители документов писали их, расположив лист на ладони, бедре или колене³⁰.

²⁶ На докладе судного дела кн. Андрею Васильевичу присутствовал дьяк Семен Васильевич, упоминаемый в актах 1460-х — первой половины 1470-х гг. (после 1474 г. он не упоминается). Одним из присутствовавших на суде у наместника Дмитрия Давыдовича был Иван Хвошинский, который был судьей со стороны кн. Андрея Угличского в споре с митрополитом о землях с. Воиславского, датированном 1462–1464 гг. (АФЗХ. Ч. 1. № 103. С. 97).

²⁷ АСЭИ. Т. 3. № 58. С. 89–90 (1470 г.) [ГКЭ. № 4676]; АСЭИ. Т. 2. № 395. С. 401–402 (1484 г.) [ГКЭ. № 7606]; АСЭИ. Т. 2. № 283. С. 190–191 (1491 г.) [Строев. № 121]; АСЭИ. Т. 1. № 533. С. 410 (1487 г.) [Ундольский. № 5].

²⁸ АСЭИ. Т. 1. № 408. С. 299 (1472 г.); Т. 3. № 77. С. 110–111 (1475/76 г.).

²⁹ АСЭИ. Т. 3. № 60. С. 93 (1490 г.).

³⁰ Белова А. Б. Техника древнерусского письма: позы пишущего XVI–XVII вв. // Novogardia. 2019. № 4. С. 251–263.

Вероятно, именно поэтому большинство отождествлений почерков — предположительные и меньше неоспоримых.

Почерки большинства грамот можно отнести к так называемому канцелярскому письму, с его небольшим размером букв и их характерными резкими начертаниями. Причиной этого, на наш взгляд, был материал, который использовался при обучении письму, — скорее всего береста или перга, на которых текст процарапывался. Владение пером можно считать хорошим, но вопрос о красоте письма вряд ли стоял (правда, что понималось под этим в деловой сфере, судить нелегко). Очевидно, что самым важным считалось содержание акта, а его оформление было иногда делом второстепенным. То есть стремление привлечь к оформлению грамот людей с красивым каллиграфическим почерком не прослеживается на материале актов, вышедших из канцелярии кн. Андрея Васильевича Большого, за исключением, пожалуй, самых поздних: грамоты с прочетом 1484 г. (ГКЭ. № 7605) и жалованных 1484–1488 гг. (Головин. № 33) и 1491 г. (Строев. № 121)³¹. Первая написана с неким изыском и украшениями: высокое «т», широкое «е», написанное в два приема «с» создают ощущение ритмически организованного текста; расстояние между строками чуть больше нормы (если сравнить с современным, то 2 интервала вместо 1,5). Явно, что писец стремился сделать текст не только легко читаемым, но и красивым. Примерно так же можно охарактеризовать и два других документа. При этом надо отметить, что в графике этих грамот явно ощущается отказ от распространенного ранее канцелярского письма с его резкими начертаниями, появляется округлость и беглость письма, т.е. типологически это уже беглый полуустав. Возможно, замеченная особенность свидетельствует о том, что стала играть роль эстетическая составляющая документа.

Надежно отождествляется писец, оформивший две грамоты (ГКЭ. № 1118, 1121)³², связанные с владениями Троице-Сергиева монастыря в Бежецком Верхе, который отошел к Андрею Васильевичу после смерти отца. Обе датируются временем игуменства Спиридона — 1467–1474 гг., но написаны на разной бумаге, поэтому можно предположить, что между их созданием был некоторый временной разрыв (см. ниже). Заманчиво было бы считать, что оформивший грамоты подьячий жил в Бежецком Верхе, но другой документ, выданный иг. Спиридону³³ на деревни, пожалованные князем к с. Присеки в Бежецком Верхе, написан иным почерком.

Почерки, которыми написаны грамоты № 12834 и 12835 (обе относятся к Угличу)³⁴, достаточно схожи начертками отдельных букв, но имеют и отличия. Возможно, это объясняется разницей во времени составления и изменениями, произошедшими в почерке подьячего за это время.

³¹ АСЭИ. Т. 2. № 395. С. 401–402; Т. 1. № 505. С. 384–385; Т. 2. № 283. С. 190–191.

³² АСЭИ. Т. 1. № 363. С. 266; № 373. С. 272.

³³ АСЭИ. Т. 1. № 367. С. 268 [ГКЭ. № 1122].

³⁴ АСЭИ. Т. 1. № 323. С. 232–233; № 365. С. 267.

То есть отождествление может быть только предположительным, на уровне — «не исключено». Однако можно с достаточной уверенностью утверждать, что подтверждение 1467–1474 гг. кн. Андрея Васильевича на обороте жалованной вел. кн. Ивана Васильевича 1462 г. (ГКЭ. № 1111)³⁵ оформлял тот же подьячий, который написал в 1467–1474 гг. жалованную этому же иг. Спиридону — ГКЭ. № 12835 (оба документа относятся к Угличской части удела, и надо отметить, что в обоих случаях заверял подпись князя дьяк Семен).

Приговорную запись суда кн. Андрея Васильевича, предположительно датируемую 1462 г. (ГКЭ. № 4675), на жалованной грамоте вел. кн. Василия Васильевича Савво-Сторожевскому монастырю 1454 г.³⁶, вероятно, оформлял тот же подьячий, который писал в 1470 г. жалованную кн. Андрея Васильевича этой же обители (ГКЭ. № 4676)³⁷. Характерно, что запись заверена дьяком Семеном, который подписал и грамоту 1470 г. Отмеченный факт заставляет высказать предположение, что приговорная запись была сделана позже 1462 г. и по времени приближается к дате выдачи указанной грамоты.

Крайне близки почерки, которыми написаны две грамоты на бумаге с филигранью «виноградная лоза», относящиеся к Звенигородскому у. (ГКЭ. № 4677, 15157; о бумаге см. выше)³⁸. Разницу в начерках отдельных букв можно объяснить форматом документов и обстоятельствами их составления.

Итак, 14 грамот Андрея Васильевича написаны 11 или, что более вероятно, 12 людьми.

При анализе почерков, которыми написаны акты, вышедшие из канцелярии Андрея Васильевича Большого, была замечена достаточно специфическая особенность: документы, относящиеся к Угличской части удела князя, написаны преимущественно неразработанными и даже неуверенными почерками, в то время как грамоты по другим частям удела (хранятся среди актов по Бежецкому, Звенигородскому и Можайскому уездам) — более каллиграфично (за исключением упоминавшейся выше правой грамоты из собрания П. М. Строева). Данное наблюдение навело Л. В. Мошкову на следующую мысль. Подьячие, т.е. персонал низшего звена, не находились постоянно при князе, и к оформлению грамот могли привлекать людей из администрации княжеских владений. Конечно, материала для обоснования данного предположения в настоящее время явно недостаточно, но некоторые данные для сравнения предложить можно. Так, в собрании ГКЭ среди актов по Белозерскому у. сохранилось 13 грамот, написанных в канцелярии кн. Михаила Андреевича — количество, вполне сопоставимое с рассматриваемыми подлинниками (докумен-

³⁵ АСЭИ. Т. 1. № 304. С. 216.

³⁶ АСЭИ. Т. 3. № 54а. С. 83.

³⁷ АСЭИ. Т. 3. № 58. С. 89–90.

³⁸ АСЭИ. Т. 3. № 55. С. 84–87; Т. 1. № 366. С. 268.

ты по Верейской части удела не учитывались). Однако отождествлений было сделано больше: 13 актов написали шесть человек. А часть грамот демонстрирует «последовательную смену почерков подьячих, работавших в канцелярии князя»³⁹. Интересно отметить, что «смягчение графики» документов, начиная с 1480-х гг., отмечено и для этих актов.

Обращение к более поздним документам, вышедшим из канцелярии одного князя, рисует иную картину. В составе комплекса документов по Дмитровскому и Звенигородскому уездам ГКЭ хранятся 15 жалованных грамот кн. Юрия Ивановича первой трети XVI в. и одна меновная, скрепленная его печатью (т.е. этот материал касается только части его удела). Как уже отмечалось, жалованные этого князя «не только сходны по оформлению, но прекрасно вычленяются из массива других жалованных грамот, так как обладают хорошо узнаваемыми особенностями»⁴⁰. Однако отождествлено было только небольшое количество почерков, и, что характерно, большинство надежных отождествлений касается документов, относящихся к одной части удела. Общий вывод был сделан следующий: «16 актов писали в течение 30 лет минимум 12 подьячих»⁴¹. Очевидно, что для такого длительного периода количество этих людей не может удивлять: низовое звено канцелярии — подьячие — менялось быстрее, чем дьяки, работавшие на протяжении нескольких лет. Однако признать высказанное предположение (возможное привлечение к работе лиц из «местной» администрации) ложным без дополнительной проверки было бы опрометчиво. Совершенно ясно одно — при анализе почерков актов, вышедших из канцелярии удельного князя, надо обращать внимание на их географическую привязку, т.е. к какой части удела относится тот или иной документ.

4. Дьяки угличской канцелярии: подписи князя и дьяческие монограммы

К сожалению, оборот документа — наиболее пострадавшая его часть: текст может быть затерт, кроме того, обычно он подвергся постороннему вмешательству: сделаны подклейки, дублирование на бумагу, поставлены архивные печати и пометы, закрывающие текст, и пр. Тем не менее информация, содержащаяся здесь, заслуживает самого пристального внимания, так как дает возможность прояснить весьма важные вопросы.

В первую очередь, она позволяет установить имена дьяков, время их работы и общую хронологию выдачи грамот (как правило, промежутки в несколько лет). Суммируя эту информацию, можно установить предва-

³⁹ *Мошкова Л. В.* Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья первая) // Вестник Альянс-Архео. М.; СПб., 2016. Вып. 17. С. 84

⁴⁰ *Мошкова Л. В.* Грамоты XV — первой трети XVI в. из ф. 281 РГАДА: палеографические заметки (Статья пятая) // Вестник Альянс-Архео. М.; СПб., 2020. Вып. 33. С. 52.

⁴¹ Там же. С. 54.

рительную последовательность работы тех или иных дьяков в канцелярии Андрея Васильевича Большого. Однако все эти наблюдения носят в определенной степени условный характер, поскольку сама датировка грамот не очень точна. Актов, где в эсхатоколе указан год их выдачи, немного: всего семь (здесь необходимо напомнить, что указание даты выдачи в княжеских актах становится обязательным только к концу столетия⁴²).

В общей сложности в тексте сохранившихся актов, происходящих из угличской канцелярии, упоминаются пять дьяков: Семен (он же, судя по всему, Семен Васильевич), Алексей (он же Алексей Васильевич), Василий Башина, Александр Васильевич Карамышев и Микифор (Никифор). Семен упоминается шесть раз, Микифор, Василий Башина и Алексей — дважды, Александр Карамышев — один раз. Имена еще двух дьяков князя Андрея Васильевича Большого присутствуют в документах, не связанных с угличской канцелярией: дьяк Пестрик был одним из послухов купчей на земли в Переславле⁴³, а в судном списке XVI в. упоминается дьяк князя Андрея Митя Демидов, проводивший межевание земель в Угличе⁴⁴.

Важнейший и до сих пор не полностью освоенный источник о персональном составе княжеских канцелярий — удостоверительная часть грамоты, которая содержит княжескую подпись и в ряде случаев монограммы, оставленные дьяками. Их анализ позволяет выявить и, следовательно, идентифицировать почерки княжеских дьяков и расшифровать их монограммы. На основании этого можно отождествить почерк с конкретным дьяком. И, как результат, полнее определить персональный состав угличской княжеской канцелярии, хронологию работы дьяков.

Всего на угличских грамотах удалось выявить шесть монограмм, принадлежащих трем лицам. Две из них ранее уже удалось расшифровать и соотнести с личностями поставивших их дьяков: одна принадлежала дьяку Семену Васильевичу, а другая — Микифору⁴⁵. Благодаря этому мы получаем образцы почерков, точно принадлежавшие соответствующим дьякам. В свою очередь, грамоты, заверенные подписями, сделанными этими же почерками, но не содержащие монограмм, возможно атрибутировать соответствующим дьякам. Это позволяет дополнить служебную биографию дьяков Семена Васильевича и Микифора, уточнить время их службы угличскому князю.

Семен Васильевич работал в 1460-е — первую половину 1470-х гг. Позднее 1474 г. грамот, заверенных им, не встречается. Он поставил под-

⁴² Мошкова Л. В. Дата в актах XV — начала XVI в.: время появления и формат // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Четвертые чтения памяти академика РАН Л. В. Милова. М., 2015. Вып. 4. С. 143–148.

⁴³ АСЭИ. Т. 1. № 370. С. 270.

⁴⁴ АСЭИ. Т. 2. № 433. С. 475–477.

⁴⁵ Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV — начала XVI в. // Вестник Альянс-Архео. М.; СПб., 2017. Вып. 19. С. 9–11.

пись князя на следующих грамотах: ГКЭ. № 1118, 1122, 4676, 12834, 12835, 15157. На трех из них (ГКЭ. № 1118, 4676, 15157) он оставил свою монограмму⁴⁶. Свое имя: «А подписал ... дьяк Семен» он указал еще на четырех актах, которые прошли через канцелярию Андрея Васильевича, что позволяет уточнить дату проставления подтверждений⁴⁷ и фиксации судебных решений⁴⁸ 1462–1474-м гг.

Дьяк Микифор работал в угличской канцелярии с 1472 г. до конца 1480-х гг. Сделанную им подпись князя и собственную монограмму находим на акте ГКЭ. № 748. Последняя грамота, заверенная им, была составлена в 1487 г., правда, есть еще одна, с широкой датировкой до 1491 г.⁴⁹ Наличие образца почерка угличского дьяка Микифора позволяет решить одну историографическую проблему. Примерно в одно время с ним в источниках упоминается дьяк Никифор, служивший у великой княгини Марии Ярославны и вологодского князя Андрея Меньшого. В историографии высказывались предположения о тождестве этих лиц⁵⁰. Однако сохранившиеся образцы почерков этих дьяков показывают, что угличский и вологодский Никифоры — разные лица.

На грамоте ГКЭ. № 1121 подпись князя сделана еще одним, ранее не отождествленным почерком. Внизу листа располагается неясная помета, которая вряд ли является монограммой. Во всяком случае, выполнена она иными, нежели княжеская подпись, чернилами. При этом надо заметить, что свою должность заверивший эту грамоту дьяк занимал в те же годы, что и Семен Васильевич.

Почерк еще одного дьяка обнаруживается на трех подлинных грамотах угличского князя, датируемых 1480-ми годами (1482–1483, 1484 и 1484–1488 гг.)⁵¹. Надо отметить, что по графике почерк этого дьяка настолько схож с почерком его предшественника Семена, что их можно спутать. Тем не менее, некоторые отличия почерков этих двух администраторов все же есть. Наиболее заметные обнаруживаются в манере написания юса малого (л) в слове «князь» и буквы «д» в имени князя. Монограмм на грамотах, заверенных этим дьяком, нет. Не обнаруживается его почерка и в записях с указанием имени оставившего их дьяка. Получается, что это анонимный

⁴⁶ Его монограмма выделена Ю. Г. Алексеевым в Тип 22. Правда, из-за невысокой точности прорисовок монограмм, данных в АСЭИ, монограммы угличского дьяка Семена в каталоге Ю. Г. Алексеева оказались смешаны с монограммами дьяка Семена Бородатого (*Алексеев Ю. Г. У кормила Российского государства. С. 310–311*).

⁴⁷ ГКЭ. № 1111, № 4675.

⁴⁸ АСЭИ. Т. 1. № 216; *Капитанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 387. № 27.*

⁴⁹ АСЭИ. Т. 1. № 447. С. 335–336.

⁵⁰ *Корзинин А. Л. Двор великой княгини Марии Ярославны // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2020. Т. 65. Вып. 1. С. 28.*

⁵¹ АСЭИ. Т. 1. № 500. С. 378–379 [ГКЭ. № 1115]; Т. 2. № 395. С. 401–402 [ГКЭ. № 7606]; Т. 1. № 505. С. 384–385 [Головин. № 33].

дьяк, но круг возможных претендентов можно ограничить, исключив из общего списка известных дьяков Андрея Васильевича тех, чьи почерки уже удалось идентифицировать. В итоге получаем список кандидатов: Пестрик, Александр Карамышев, Алексей Васильев, Василий Башина. Выбрать предпочтительный вариант без дополнительных данных затруднительно. Однако поиск аналогий почерка этого дьяка в грамотах из других княжеских канцелярий дает результат. Тожественный почерк княжеской подписи обнаруживается на грамоте Бориса Васильевича Волоцкого, датированной 1479 г.⁵², а значит, из числа возможных претендентов можно исключить Петрика, Александра Карамышева и Василия Башину, которые ранее этого года фигурируют как угличские дьяки. Из дьяков Бориса Волоцкого по именам известны только трое — Максим Оладья Климентьевич Плохово, Борис Степанович Обобуров и Федор Константинов⁵³. Двое первых продолжили служить наследникам кн. Бориса Васильевича, а, значит, работали в волоцкой канцелярии и в середине — второй половине 1490-х гг. (служили кн. Борису в 1470-х-1480-х гг.). Остается некий Федор Константинов. Он упоминается в двух актах. Первый сохранился в списке (в нем он назван дьяком Федором)⁵⁴, а второй — в подлиннике (в нем он назван Федором Константиновым)⁵⁵. В обоих случаях это подтверждения (в первом случае — на грамоте самого Бориса Васильевича 1462 г., а во втором — на грамоте Василия II). К сожалению, образец почерка дьяка на второй грамоте пока получить не удалось, и поэтому вопрос о тождестве Федора Константинова с анонимным дьяком Бориса и Андрея Васильевичей остается открытым.

Как бы то ни было, но удается в общих чертах установить служебную биографию этого (условно анонимного) дьяка. В 1470-е гг. (как минимум до 1479 г.) он служил в канцелярии кн. Бориса Волоцкого, а в 1480-х гг. (не позднее 1483 г. он переходит на службу Андрею Угличскому. Исходя из хронологии службы, это мог быть или Федор Константинов, или Алексей Васильев.

Жалованная грамота кн. Андрея Васильевича 1491 г.⁵⁶ содержит княжескую подпись и монограмму, почерк и элементы которой схожи с почерком и монограммой Василия Ухтомского — скандально известного дьяка вологодского князя Андрея Васильевича, который был бит со своими поделщиками кнутом за то, «что зделали грамоту на землю после княж Андреевы смерти Василиевича Вологодцкого, рекши: дал к монастырю на Каменое к Спасу»⁵⁷. Внимательный анализ этой монограммы позволил

⁵² АФЗХ. Ч. 2. № 4. С. 11–12 [Головин. № 30]).

⁵³ Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв. С. 227–228.

⁵⁴ АСЭИ. Т. 3. № 63. С. 95.

⁵⁵ АФЗХ. Ч. 2. № 1. С. 10.

⁵⁶ АСЭИ. Т. 2. № 283. С. 190–191 [Строев. № 121].

⁵⁷ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 20, ч. 1. С. 353; Т. 23. СПб., 1910. С. 186. Монограммы дьяка Василия Ухтомского (их расшифровку см.: Грязнов А. Л., Мошкова Л. В. Принципы чтения дьяческих монограмм на актах XV — начала XVI в. С. 22–23) поставлены

выделить составляющие ее буквы. Основой монограммы, и, следовательно, первыми буквами составляющих ее слов являются «И» и «У». Вместе с остальными вычленяемыми буквами они складываются в фамилию Ухтомский, и имя Иван. При этом хорошо известно, что у дьяка Василия Ухтомского был средний брат Иван Волк. Прямых сведений о службе Ивана Волка Ухтомского в источниках не обнаруживается (в отличие от его старшего брата Василия Большого, отличившегося в Казанском походе 1469 г.)⁵⁸, поэтому в данном случае можем уверенно предполагать, что дьяком, поставившим такую монограмму, был именно Иван Ухтомский, брат дьяка вологодского князя. В таком случае обнаруживается довольно интересная ситуация, когда два брата Ухтомских служат у двух сыновей Василия II. Причем соблюдается и генеалогическое старшинство при выборе адреса службы. Старший из братьев служил Андрею Большому, а младший — Андрею Меньшому. Немаловажно, что и родовые вотчины князей Ухтомских располагались в непосредственной близости от владений Угличского и Вологодского князей.

В списках двух меновных кн. Андрея Васильевича с властями Савво-Сторожевского монастыря указано, что подписал их дьяк Василий Башина⁵⁹. Первый из этих документов датирован И. А. Голубцовым периодом ок. 1470—1472 гг., а второй — ок. 1475—1477 гг. Об иной службе Василия Башины в Угличском уделе сведений не сохранилось, однако после его ликвидации он продолжил дьяческую карьеру уже в канцелярии Ивана III (см. ниже). Дальнейшая судьба Василия становится ясна из данной Семена Андреевича Монастырева в Кирилло-Белозерский монастырь, составленная в 1514/15 г. Список послухов этой данной открывает ремарка: «А у сей записи был дядя мой старец Васьян Башина...»⁶⁰. Впервые на эту запись обратил внимание А. Ю. Савосичев, который отождествил упомянутого здесь старца Васьяна Башину с дьяком Василием Башиной. Не найдя в родословной Монастыревых среди братьев Андрея Константиновича (отца Семена Андреевича) никого с именем Василий, он предположил, что Башина и Монастырев были родственниками по женской линии, через супругу Андрея Константиновича Овдотью⁶¹,

на большинстве подлинников жалованных грамот вологодского князя. Он же писал и духовную грамоту Андрея Меньшого (ДДГ. № 74. С. 277). Таким образом, дьяк Василий Ухтомский служил в вологодской канцелярии на протяжении всего существования вологодского удела.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 37. С. 46, 92 (см.: *Грязнов А. Л.* Белозерские князья в годы правления Ивана III // *Великое Стояние на реке Угре и формирование Российского централизованного государства: локальные и глобальные контексты: материалы Всероссийской с международным участием научной конференции* (30 марта — 1 апреля 2017 г., Калуга. Калуга, 2017. С. 139—141).

⁵⁹ АСЭИ. Т. 3. № 58а. С. 91; АСЭИ. Т. 3. № 59а. С. 93.

⁶⁰ АЮ. № 112. С. 146.

⁶¹ Для ее поминания Андрей Константинович сделал вклад в Кирилло-Белозерский монастырь (АСЭИ. Т. 2. № 143. С. 84).

которая в таком случае должна была являться сестрой Василия Башины. По мнению А. Ю. Савосичева сам Башина принадлежал к классу служилых землевладельцев, а «служебный статус Башиных, видимо, был невелик»⁶². Как представляется, эти суждения не совсем корректны.

В первую очередь, на себя обращает внимание расположение имени Вассиана в списке послухов — он идет первым, т.е. является самым статусным из послухов. Двумя другими свидетелями в данной грамоте записаны Леонтий Горбов и Петр Онтонидин — представители двух фамилий белозерских землевладельцев средней руки (родов самых крупных землевладельцев Белозерья после Белозерских князей, Монастыревых и Лихаревых). Обращение к родословной Монастыревых снимает все вопросы. Искомый Башина обнаруживается среди детей Александра Шуйги Федоровича Монастырева⁶³ и, таким образом, является двоюродным дядей Семена Андреевича Монастырева. Следовательно, устанавливается происхождение еще одного дьяка XV в. И здесь примечательны несколько моментов. Это представитель не просто древней родословной фамилии, а первостепенной знати (хотя и удельной). Как минимум двое его дядьев были боярами удельных князей (Иван Судок и Василий Безнос). Сам Василий Башина, без сомнения являвшийся уроженцем Белозерья и сохранявший связь с регионом и после «выхода на пенсию»⁶⁴, встает в один ряд с другими белозерскими землевладельцами, ставшими дьяками великих и удельных князей XV — начала XVI в. (к их числу принадлежали Захарий Ильин, Иван Ципля, Елизарий Циплятев, Иван и Василий Ухтомские).

Исак Дубровин назван писцом, проводившим описание Бежецкого Верха по поручению князя Андрея Васильевича⁶⁵. Позднее другое описание Бежецкого Верха тоже по поручению князя Андрея Васильевича проводил Жито Исаков с. Дубровина (очевидно сын Исака Дубровина)⁶⁶. Еще раз Исаак Дубровин упоминается в связи с тем, что по поручению князя

⁶² Савосичев А. Ю. Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв. С. 229–230, 249.

⁶³ В родословной Монастыревых, приведенной в Румянцевской редакции родословных книг, этого поколения не показано (РИИР. Вып. 2. С. 170–171 (Л. 160–163)), однако, оно есть в росписях, опубликованных А. В. Кузьминым (в том числе и в известном родословце кн. А. И. Лобанова-Ростовского) (Кузьмин А. В. Боярство Ростовской земли конца XII — начала XV века // История и культура Ростовской земли. 2001. Ростов, 2002. С. 73–74). По этим росписям у Александра Шуйги были сыновья Александр Сарага, Федор и Башина. В родословце из собрания кн. М. А. Оболенского Федор и Башина оказались объединены в одну персоналию (Памятники истории русского служилого сословия. М., 2011. С. 140).

⁶⁴ Скорее всего, он был постриженником Кирилло-Белозерского монастыря, а его потомки сохраняли долю в родовых белозерских вотчинах. Во всяком случае, Григорий Башенин, которого можно считать сыном Василия Башины, в 1510–1511 г. владел 1/6 долей в езе в устье Суды (остальное у митрополитского Череповецкого Воскресенского монастыря) (АФЗХ. Ч. 1. № 305. С. 254).

⁶⁵ АСЭИ. Т. 2. № 433. С. 476.

⁶⁶ АСЭИ. Т. 2. № 433. С. 476.

Андрея Васильевича проводил расследование земельного спора властей Троице-Сергиева монастыря с крестьянами дворцового села Павловского в Угличе⁶⁷. Характер служб Исака Дубровина позволяет подозревать в нем сотрудника княжеской канцелярии, скорее всего, дьяка. Верность этого предположения подтверждается служебной биографией его сыновей, которые известны в качестве дьяков кн. Дмитрия Ивановича Угличского⁶⁸. Иван Жито в 1506 г. подписал подтверждение кн. Дмитрия Ивановича⁶⁹, а Небогатый Исаков с. Дубровин в 1521 г. в качестве дьяка писал духовную грамоту кн. Дмитрия Ивановича, а также назван ответственным за хранение в казне части княжеских сокровищ⁷⁰.

Анализ хронологии упоминания дьяков кн. Андрея Васильевича и выявленные почерка княжеских подписей на жалованных грамотах позволяют определить, что даже на раннем этапе существования угличского удела, например, в 1460-е гг., в княжеской канцелярии работало не менее трех дьяков (Семен Васильевич, Александр Карамышев и Пестрик)⁷¹. В 1470-е гг. к ним присоединяются Василий Башина, Микфор и Алексей Васильевич. В 1480-е гг. минимальное число дьяков угличской канцелярии определяется не менее трех. Вместе с Микифором и Алексеем Васильевичем работает анонимный дьяк из волоцкой канцелярии (по всей видимости, Федор Константинович). Дьяческий статус, судя по всему, сохраняют Василий Башина и Александр Карамышев, но адрес их службы в это время точно не известен. В 1491 г. в числе дьяков кн. Андрея Угличского начинает фигурировать Иван Волк Ухтомский (хотя не исключено, что он начал службу и намного раньше). Кроме того, скорее всего, в число дьяков князя Андрея Васильевича (примерно в 1470-е — 1480-е гг.) входил Исаак Дубровин.

Как правило, о судьбе сотрудников княжеских канцелярий после ликвидации удела ничего не известно. Однако для трех дьяков Андрея Васильевича есть сведения о службе после 1492 г. 1490-ми гг. датируется грамота, по которой Александр Васильевич Карамышев получил в кормление г. Плес с судом боярским под Федором Киселевым⁷². Василий Башина в конце XV в. (ранее 1501 г.) описывал Соль Галицкую⁷³, а между 1492—1503 гг. вместе с Алексеем Вокшериным писал Бежецкий Верх⁷⁴. Около 1501/02 г. в коллегии костромского писца Григория Романовича Застолбского входил Иван Иванович Ухтомский. Сохранилось четыре

⁶⁷ АСЭИ. Т. 1. № 581. С. 460.

⁶⁸ *Савосичев А. Ю.* Дьяки и подьячие XIV — первой трети XVI вв. С. 405, 409; *Зимин А. А.* Дьяческий аппарат в России. С. 236, 237.

⁶⁹ *Каптанов С. М.* Очерки русской дипломатики. С. 406. № 37.

⁷⁰ ДДГ. № 99. С. 414.

⁷¹ При условии, что анонимный дьяк, почерк которого выявляется на грамоте ГКЭ. 1121, тождественен Василию Башине, Александру Карамышеву или Пестрику.

⁷² АСЭИ. Т. 3. № 249. С. 267.

⁷³ АСЭИ. Т. 1. № 621. С. 532—533; Т. 3. № 250. С. 269—270.

⁷⁴ АСЭИ. Т. 1. № 270. С. 195; Т. 2. № 407. С. 424—426; № 433. С. 476.

грамоты (судных и правых), в которых зафиксированы результаты разобранных этой комиссией поземельных споров⁷⁵. Во всех четырех документах Иван назван первым в списке лиц, присутствовавших на суде. После него указан Иван Брюхо Коробьин и подьячие (в трех случаях двое, а в одном — один). Судя по всему, Иван Ухтомский был старшим из всей писцовой/судебной коллегии после собственно самого Григория Романовича Застолбского и, зная его дьяческую службу в Угличском уделе, в этой судебной коллегии он выступал как представитель дьяческой прослойки⁷⁶.

Следовательно, трое бывших дьяков князя Андрея Васильевича и после перехода на службу к великому князю сохранили свой статус и, судя по всему, сферу деятельности. Скорей всего, аналогичной была судьба и других сотрудников угличской княжеской канцелярии. Во всяком случае, в этом же ключе можно рассматривать биографию братьев Ивана Жито и Небогатого Дубровиных. Статус Ивана Жито Исакова с. Дубровина в период его службы в Угличском уделе в источниках точно не обозначен. Проведение им описания Бежецкого Верха с очень большой вероятностью свидетельствует о его службе в княжеской канцелярии, однако вряд ли он был дьяком, поскольку, скорее всего, еще был относительно молод. Вероятно, в это время он еще был подьячим. Не исключено, что таким же статусом обладал и его брат Небогатый. Вероятнее всего, братья Дубровины после ликвидации Угличского удела влились в состав великокняжеской канцелярии, однако, сохранили территориальную привязанность к Угличу. Именно этим можно объяснить службу братьев в восстановленном Угличском уделе.

5. Итоги рассмотрения документов канцелярии князя Андрея Васильевича Большого

Анализ внешней формы документов и принципов их оформления показал, что канцелярская культура на протяжении исследуемого периода развивалась. В нее стала включаться чисто эстетическая составляющая и внешнему оформлению акта стало уделяться больше внимания: важно было не только что написано, но и как.

Выявление почерков дьяков и расшифровка их монограмм позволили выяснить их примерное время работы и определить, кто из них работал последовательно (т.е. сменяя другого), а кто параллельно. Немаловажным является выявление примеров мобильности канцелярских служащих (переход из одной удельной канцелярии в другую) и сохранение статуса и сферы деятельности даже после ликвидации Угличского удела и перехода на великокняжескую службу. Подтверждаются наблюдения о большом

⁷⁵ АСЭИ. Т. 1. № 639. С. 551–553; № 640. С. 553–554; АФЗХ. Ч. 1. № 254. С. 217–220; № 258. С. 222–226.

⁷⁶ В соответствии с первой статьей Судебника 1497 г. на суде у бояр и окольных предписывалось обязательно быть дьякам.

числе сотрудников княжеской канцелярии (подьячих и дьяков), что свидетельствует об интенсивной работе этих учреждений и малой доле сохранившихся актов по сравнению с их общим числом.

Однако это только предварительные итоги: продолжение работы по изучению канцелярий князей Московской династии заставит, вероятно, еще раз вернуться к рассмотрению актов, вышедших из канцелярии угличского князя Андрея Васильевича, поскольку изучение других канцелярий поставит новые вопросы и, главное, будет получен материал для возможного сравнения, т.е. выявление региональных особенностей делопроизводства в разных, но существующих одновременно институциях.